

УДК 94(37).08

**ВОЙСКОВЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ *AGRARIENSES*
и БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
в 333–337 гг.: СВЕДЕНИЯ ЭПИГРАФИКИ**

© 2018 г.

Е.А. Мехамадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

e.mehamadiev@spbu.ru

Поступила в редакцию 23.01.2018

Рассматриваются некоторые особенности позднеимперской военной организации на Ближнем Востоке в период 333–337 гг., т.е. в последние годы правления императора Константина I Великого. Автор обратился к сведениям эпиграфики – латинским строительным надписям и сопоставил эти сведения с данными нарративных источников (Аммиан Марцеллин, арабская историографическая традиция, повествующая о взаимоотношениях Рима и арабских племен в начале IV в., а также один малоизвестный коптский папирус). Сведения данных источников показывают, что ближневосточные провинции в этот период находились под защитой подразделений, которые назывались *agrarienses*, т.е. «сторожевые гарнизоны». Эти подразделения представляли собой алы, когорты и вексилляции (отряды мобильной конницы). Территориальное распределение отрядов *agrarienses* четко зависело от местонахождения водохранилищ, резервуаров с водой, главной задачей подразделений *agrarienses* как раз и была охрана данных пунктов. Тем не менее в 325/326 гг. гарнизоны Ближнего Востока пополнились новыми соединениями – отрядами арабской племенной кавалерии, находившимися под командованием своего вождя Имрулкайса, эти отряды переселились в провинцию Арабия по согласованию с Константином и получили от него статус федератов, сам же Имрулкайс стал филархом – военным союзником Рима. Для единого, согласованного и оперативного руководства регулярными местными пограничными гарнизонами и отрядами Имрулкайса Константин учредил временный и экстраординарный пост дукса Востока, который упоминается в новой надписи, опубликованной в 2016 г.

Ключевые слова: Константин I Великий, Ближний Восток, подразделения *agrarienses*, дукс, Арабия, арабы, филарх, Имрулкайс.

В 1948 г. на одном из участков дороги, ведущей к аэропорту Багдада, была обнаружена латинская надпись, датированная 334 г., тем не менее, последнее по времени издание текста вышло в свет в 2004 г. в книге Д. Кеннеди «Римская армия в Иордании», соответственно, цитируем документ по чтению, предложенному Д. Кеннеди [1, р. 72]:

Cum pervidisset Vincentius prote/ctor agens / Basie plurimas ex agrariensibus dum aqua(s) / sibi in uso trans/fererent insidiados a Saracenas / pe/risse receptaculum aquar(um) ex funda/mentis fecit. / Optato et Paulino vv(iris) cc(larissimis) cons(ulibus).

«Поскольку протектор Винцентий, несущий службу у Басии, увидел, что многие из сторожевых воинов попали в засады, устроенные сарацинами, и были убиты в тот момент, когда они переносили воду для себя, он от основания построил водохранилище. В год консулов Оптата и Паулина, мужей светлейших».

Как нам кажется, своим содержанием данная надпись проливает свет на многие спорные и малоизвестные вопросы позднеимперской военной организации на Ближнем Востоке в последние 4 года правления императора Константина I, в

целом и сам этот период ввиду малочисленности и разбросанности сведений источников исследован не так подробно, как, например, эпоха Тетрархии (284–305 гг.) или ранний период правления Константина (305–324 гг.). Соответственно, обратимся к сведениям надписи и рассмотрим их более подробно.

Прежде всего начнем со слова *agrarienses* («сторожевые воины», как вариант – «воины сторожевых постов»), которое упоминается в тексте. Несомненно, под этим словом надпись подразумевает войсковые гарнизоны, оборонявшие вверенный им участок границы провинции Арабия от нападений со стороны арабских племен, точнее – составитель надписи имел в виду воинов, служивших в данных гарнизонах. Тем не менее возникает вполне закономерный вопрос, к какому военному рангу принадлежали подразделения (гарнизоны) *agrarienses*, какими были их статус и правовое положение?

Применительно к подразделениям *agrarienses* мы обладаем ценным свидетельством Аммиана Марцеллина, который сообщает, что в 353 г., когда персидский военачальник Ногодарес попытался вторгнуться в римскую Месопотамию, он столкнулся там с целой сетью сторо-

жевых постов (крепостей, гарнизонов), которые не дали его армии перейти границу и захватить римские земли: *et quia Mesopotamiae tractus omnes crebro inquietari sueti praetenturis et stationibus servabantur agrariis* («поскольку все местности Месопотамии, приученной к тому, что ее часто тревожили (набегами), находились под защитой лагерей и сторожевых постов» – Аммиан XIV. 3. 2).

Д. ван Берхем, рассматривая цитированный пассаж Аммиана, пришел к выводу, что под фразой *praetenturis et stationibus servabantur agrariis* следует понимать только пограничные алы и когорты, т.е. войсковые формации старого типа, созданные еще в эпоху Принципата, тогда как В. Сестон понимал под этой фразой все виды пограничных гарнизонов – как алы и когорты, так и вексиляции *equites promoti indigenae*, а также полноценные легионы [2, p. 18–19; 3, p. 291]. Соответственно, с учетом позиции В. Сестона мы можем предположить, что в 353 г. в Месопотамии размещались либо алы и когорты, либо вексиляции легионов, либо подразделения *equites promoti indigenae*, либо все эти формирования, вместе взятые, либо в той или иной комбинации. А значит, к подобным видам войсковых подразделений можно отнести и гарнизоны *agrarienses*, упомянутые в надписи 334 г.

Но в этом сюжете важен и другой аспект – надпись 334 г. однозначно свидетельствует и подтверждает, что в своем сообщении Аммиан передает исключительно официальный, административный лексикон империи, в его изложении термины *praetentura* и *stationes agrariae* представляли собой официальные наименования сторожевых укреплений (пограничных гарнизонов, небольших крепостей), которые были распространены и приняты в официальном делопроизводстве. Как показал М. Коломбо, уже к 355 г. Аммиан прекрасно знал и говорил на латинском языке, разбирался в особенностях латинской военной терминологии, поскольку в 355 г. Аммиан занял должность доместика (унтер-офицера) при штабе генерала Урзицина, воевавшего в Галлии против германских племен, а служба в Галлии, где письменным и разговорным языком был именно латинский, неизбежно требовала хорошего знания этого языка (как известно, сам Аммиан был греком по происхождению) [4, p. 29–31, 34–35].

Следовательно, слово *agrarienses* представляло собой официальный термин, это слово было частью административно-правового лексикона империи, поскольку надпись, сообщающая о строительстве того или иного военного объекта, – официальный документ: как правило, возведение подобных объектов проходило под не-

посредственным контролем военных и гражданских властей того региона, где была обнаружена надпись.

Но эта же надпись достаточно четко фиксирует и особенности географического распределения гарнизонов *agrarienses*, их топографию, что позволяет более четко выявить внутреннюю организацию римской пограничной армии на Ближнем Востоке в период 333–337 гг. Как справедливо заметил Дж. Либешутца, войсковые подразделения, оборонявшие в начале IV в. ближневосточную границу империи, в основном размещались вблизи резервуаров с водой, столь важной в условиях жаркого пустынного климата. По мнению исследователя, географическое распределение пограничных гарнизонов зависело от местонахождения водохранилищ, соответственно, эти гарнизоны не образовывали какой-либо четко выстроенной последовательной линии обороны, скорее наоборот, по мнению Дж. Либешутца, войсковые подразделения были разбросаны на большие расстояния друг от друга и не могли быстро прийти на помощь друг к другу в случае вражеских вторжений [5, p. 63–64].

Как мы полагаем, надпись 334 г. из Басии полностью подтверждает, даже иллюстрирует тезис Дж. Либешутца – действительно, составитель надписи, офицер Винцентий, занимавший ранг протектора (*protector*), сообщает о частых нападениях арабских племен, и, судя по сведениям надписи, гарнизон Винцентия испытывал явную нехватку людской силы, дефицит военных кадров. Данный гарнизон не мог своими силами, в одиночку, справиться даже с относительно легкими, по своей сути грабительскими, нападениями арабских племен, и, на наш взгляд, подобная ситуация возникла как раз в связи с особенностями территориального распределения гарнизонов *agrarienses* в Сирии, Арабии и сопредельных провинциях.

Соседние гарнизоны просто не успевали вовремя прибыть к гарнизону Басии, чтобы помочь своим коллегам по фронту в борьбе с арабами, в связи с этим гарнизон, расквартированный в Басии, не мог отбить нападения врага и постепенно терял свой кадровый состав. С учетом данных надписи 334 г. вряд ли мы можем согласиться с позицией Ж. Алико, не так давно высказавшим идею, что Константин планировал использовать пограничные подразделения Ближнего Востока в предстоящем военном походе против Персии (этот поход, как известно, так и не состоялся в связи с внезапной смертью Константина весной 337 г.). По мнению Ж. Алико, Константин интенсивно концентрировал данные гарнизоны под одним командованием, стремился преобразовать их в единую и

полноценную войсковую группировку, чтобы направить ее против Персии [6, p. 166, 168].

Ввиду географической разбросанности самих войсковых подразделений сложно согласиться с позицией, что Константин действительно планировал подобную реорганизацию ближневосточной границы: сконцентрировать подразделения под одним командованием, создать из них некую новую оперативно-тактическую группировку было бы крайне сложной и нерациональной задачей, так как между столь удаленными друг от друга подразделениями необходимо было бы наладить механизм быстрого, согласованного и эффективного взаимодействия, потребовалось бы значительное время для координации действий гарнизонов во время похода и боевого построения.

Дело в том, что к началу 337 г., когда Константин выступил в поход против персов (он умер как раз на пути в Персию, в Вифинии), в его распоряжении находилась уже сложившаяся и постоянно действующая профессиональная войсковая группировка, располагавшаяся на нижнем Дунае, во Фракии. Это была регулярная экспедиционная армия *comitatenses*, с которой Константин одержал победу над своим политическим противником Лицинием в 324 г. и установил свое единовластие во всей империи. Разгромив войска Лициния, победоносная армия Константина разместилась во Фракии, где, собственно, и проходили основные сухопутные боевые действия. Более того, уже в следующем, 325 г. данная армия получила почетный и привилегированный ранг *comitatenses*, тем самым Константин официально учредил постоянно действующую и регулярную экспедиционную (полевую, походную, мобильную) позднеримскую армию [7, p. 66; 2, p. 108; 8, p. 126–127; 9, p. 9–10].

В подтверждение своей идеи Ж. Алико приводит сведения новой надписи, обнаруженной в Сирии в ходе археологических раскопок, в которой упомянут офицер с достаточно редким титулом «дукс Востока» (*dux Orientis*). Что особенно примечательно, – надпись датируется 333 г. Цитируем документ по чтению Ж. Алико [6, p. 162]:

Salvo d(omino) n(ostro) Con[stantino maximo victore] / ac triumphator[e semp(er) Aug(usto) et Constantino] / et Constantio [nobb(ilissimis) Caess(aribus) multo] / [an]te tempore [longa incur]ia vetus- / [tate stationem] ruina conlapsam et / [suum praesid]ium edificare iussit / [Fl(avius) Severin]us v(ir) p(erfectissimus) dux Orientis cur]ante V[in]- / [centio pr]otec(tore) divinum laterum / [anno Dalm]ati et Zenofili vv(ironum) c(larissimorum) c(onsulum).

«При здравствующем повелителе нашем Константине великом, победителе и всегда

триумфаторе, Августе, и Константине и Констанци, благороднейших Цезарях – сторожевой пост, который ранее из-за небрежности и старости в течение долгого времени был обращен в развалины, а также свою крепость приказал соорудить Флавий Северин, муж совершеннейший, дукс Востока, под присмотром Винцентия, протектора священных стен, в год консульства Далмация и Зенофила, мужей светлейших¹».

Обратим внимание на то, что надпись упоминает того же протектора («защитника») Винцентия, что и надпись 334 г., цитированная ранее; безусловно, Винцентий подчинился Флавию Северину как более вышестоящему лицу. Должность (или ранг) дукса Востока (*dux Orientis*), которую занимал Флавий Северин, явно говорит об экстраординарном характере полномочий своего носителя – судя по всему, Флавий Северин возглавлял пограничные гарнизоны сразу нескольких провинций, тогда как в нормальной, штатной ситуации дуксы командовали пограничными гарнизонами строго в пределах какой-либо одной провинции.

Вопреки позиции Ж. Алико, мы полагаем, что Флавий Северин получил под свое управление гарнизоны сразу нескольких провинций без какой-либо связи с предстоящим походом Константина против персов: очевидно, причиной подобной (временной) реорганизации были особенности взаимоотношений Римской империи с арабскими племенами, жившими на границе провинции Арабия.

Судя по всему, к началу IV в. римская военная политика и взаимоотношения с арабскими племенами на данном участке границы претерпели существенные изменения по сравнению с эпохой Принципата. Как показали А.Г. Грушевой и Т. Брюггеманн, в период Принципата римская провинциальная администрация активно привлекала группы арабской конницы на военную службу, при этом посредниками во взаимоотношениях императорских чиновников с племенами кочевников были представители племенной аристократии арабов либо непосредственно вожди отдельных родов или кланов, которые вербовали из среды своих соплеменников войсковые группы и приводили их на службу в римскую армию, взамен получая от империи престижные титулы и денежные платежи. Сами войсковые группы, как прослеживают А.Г. Грушевой и Т. Брюггеманн, несли свою службу непосредственно в пределах провинции Арабия, они получали размещение на римской территории в качестве специальных пограничных гарнизонов [10, с. 345–347; 11, p. 278–280, 282].

С учетом позиций А.Г. Грушевого и Т. Брюггеманна, мы можем заключить, что в

эпоху Принципата защита арабского участка римской ближневосточной границы во многом была поручена и доверена арабским племенам, союзным Риму: они обороняли римскую территорию на протяжении вверенного им определенного участка границы. С начала IV в., и особенно в 330-е гг., надписи позволяют проследить совершенно другую тенденцию: теперь защита границы Арабии и Сирии преимущественно находилась в руках профессиональных и регулярных войсковых подразделений (ал, когорт, вексилляций *equites promotae*), которые скрывались под более общим наименованием *agrarienses* и были набраны из местного населения ближневосточных провинций, т.е. из граждан империи.

В чем тогда заключалась причина создания экстраординарной должности дукса Востока, которую занял Флавий Северин? Как нам кажется, для ответа на этот вопрос следует более подробно рассмотреть карьеру Имрулкайса – арабского племенного вождя, царя (шейха) государства Лахмидов, союза нескольких арабских племен, располагавшегося на территории современного южного Ирака. Специалистам по позднеимперской военной истории хорошо известна эпитафия Имрулкайса, сооруженная в год его смерти, в 328 г.: она была составлена на арабском языке и впервые введена в научный оборот еще в 1903 г. Р. Дюссо. Надпись, прославляющая Имрулкайса, была обнаружена в окрестностях селения Намара в Сирии (к югу от Дамаска), лучшее исследование данного текста принадлежит И. Шахиду, который предельно подробно рассмотрел содержание надписи и связал ее сведения с позднеимперской военной организацией на Ближнем Востоке в начале IV в.

Поскольку эпитафия Имрулкайса уже была предельно подробно разобрана в работе И. Шахида и ряда последующих исследователей, мы позволим себе не цитировать полностью многочисленные варианты переводов арабского текста и оставим за рамками статьи детали, раскрывающие особенности взаимоотношений Имрулкайса с другими арабскими племенами, вместо этого обратим внимание на важный факт, непосредственно относящийся к нашей теме. Согласно всем признанным на сегодняшний день переводам эпитафии, Имрулкайс либо находился на вассальной службе у римлян, поставляя им отряды боевой арабской кавалерии (*qui répartit entre ses fils / les tribus et organisa celles-ci comme corps de cavalerie pour les Romains* – «который распределил среди сыновей племена и организовал их как отряды кавалерии для римлян»), либо был филархом, т.е. союзным Риму племенным вождем, который

жил за пределами империи, но время от времени, по просьбе римлян, отправлял в их армию арабские войсковые группы, получая за это денежные субсидии (*and appointed them viceroys, and they became phylarchs for the Romans* – «и он назначил их (т.е. своих сыновей. – Е.М.) заместителями царя и они стали филархами для римлян») [12, р. 315; 13, р. 46].

Несомненно, в решении вопроса о статусе и положении Имрулкайса следует помнить, что его могила, где была сооружена надпись, находилась в пределах римской территории. Тем не менее, по мнению М. Сартра, Имрулкайс не подчинялся ни Риму, ни Персии, он искусно лавировал между двумя противоборствующими империями, извлекая выгоду из этого противостояния. Как полагает М. Сартр, обширные владения Имрулкайса охватывали земли от центральных регионов Аравийского полуострова и вплоть до верховьев Тигра и Евфрата, соответственно, те арабские племена, которые подчинялись Имрулкайсу и жили вблизи персидских границ, служили по его приказу в персидской армии, были военными союзниками персов, в то время как племена, находившиеся вблизи римской территории, несли службу уже в пользу римлян (и опять же, по приказу Имрулкайса) [14, р. 138–139; 15, р. 270].

Мы же, как раз наоборот, полагаем, что Имрулкайс подчинялся только римлянам и степень его независимости была весьма ограничена, поскольку он и группы его соплеменников жили на территории, подвластной римлянам. И. Шахид подчеркнул, что эпитафия Имрулкайса отчетливо демонстрирует два последовательных этапа его карьеры: 1) период, когда Имрулкайс был вассалом Персии, признавал верховенство персидского царя, но, тем не менее, был вполне независимым правителем, которому подчинялись почти все арабские племена, жившие между Римом и Персией; 2) период, когда из-за ухудшения отношений с Персией, а более точно, – в результате военной экспедиции царя Шапура II (правил в 309–379 гг.) против арабов, кочевавших в песках Аравийского полуострова, – Имрулкайс был вынужден бежать в римские земли, где он стал одним из клиентов Рима.

На втором этапе, как полагает И. Шахид, степень независимости Имрулкайса значительно уменьшилась, поскольку теперь он жил на римской территории, и племена, бежавшие вместе с ним, подчинялись римской администрации и несли службу на римской границе в качестве регулярных гарнизонов. Вместе с тем И. Шахид отмечает, что Имрулкайс и его племенные дружины получали жалованье за свою службу, более того, римлянам было даже выгодно поручать

чить защиту данного участка границы, пролежавшего через земли южной Сирии и провинции Арабия, подразделениям арабской кавалерии и их лидеру Имрулкайсу, поскольку тот лучше знал особенности этой местности и специфику боя с арабскими племенами [16, p. 34, 45–48, 51–52].

Наблюдения И. Шахида, как нам кажется, полностью подтверждаются сведениями арабского историка ал-Масуди, жившего в X в. и сохранившего в своем труде «Золотые копи и россыпи самоцветов» сведения об арабско-персидских взаимоотношениях, извлеченные из официальных персидских анналов. К сожалению, в оригинале данные анналы не дошли до наших дней и известны только благодаря арабской историографической традиции. Согласно одному из сообщений ал-Масуди, в тот год, когда персидскому царю Шапуру II исполнилось 16 лет (*Sabour, dès qu'il eut atteint l'âge de seize ans*), т.е. в 325 г. (как известно, Шапур II родился в 309 г.), он провел карательную экспедицию против арабов, захвативших персидские владения в южном Ираке, и в результате этой экспедиции многие арабские племена были уничтожены, «и только небольшая часть смогла бежать в земли греков» (*un petit nombre seulement put se réfugier dans le pays des Grecs*)².

Мы можем предположить, что арабским царем, совершившим вторжение в южный Ирак, как раз и был Имрулкайс, тем самым он открыто нарушил условия договора с Персией о разделе сфер влияния в южном Ираке. Очевидно, до 325 г. Имрулкайс был персидским вассалом, который владел обширными землями вплоть до центральных регионов Аравийского полуострова, и Сасаниды признавали его власть над этими территориями, но Имрулкайс не имел права претендовать на собственно персидские земли, которые входили в состав империи Сасанидов.

Судя по всему, та часть эпитафии Имрулкайса, которая повествует о его многочисленных военных кампаниях, отражает период, когда Имрулкайс активно расширял сферу своего влияния, не особенно считаясь с персами, за что он и поплатился независимостью своего государства. Очевидно, на определенное время племенной союз Лахмидов был разгромлен, а сам Имрулкайс вместе с несколькими уцелевшими племенами бежал в пределы Римской империи, где и осел в качестве клиентского царя, филарха, предводителя арабов-федератов. На наш взгляд, из арабских перебежчиков и были сформированы регулярные части, которые несли службу на границе римской провинции Арабия, и все они находились под командованием Имрулкайса.

В 1986 г. С.Т. Паркер высказал идею, что Имрулкайс был одним из тех арабских племен-

ных лидеров, с которыми активно боролся император Диоклетиан (284–305 гг.), особенно в 290 г. По мнению С.Т. Паркера, обширное военное строительство на данном участке границы, которое Диоклетиан развернул в 290-е гг., как раз и было связано с неослабевающей угрозой арабских вторжений, С.Т. Паркер считает Имрулкайса инициатором этих вторжений. Как полагает этот автор, позже, под влиянием римских военных успехов, Имрулкайс заключил соглашение с Римом, поэтому ко времени своей смерти он уже был союзником Рима, поддерживал Римскую империю в ее внешнеполитических инициативах. В результате племена, подчинившиеся Имрулкайсу, стали федератами Рима, теперь они служили в римской армии, но под командованием своих вождей, тем не менее, по оценке С.Т. Паркера, Рим активно формировал из арабов и регулярные конные подразделения, дислоцировавшиеся в ближневосточных провинциях [18, p. 136, 143].

Тезис С.Т. Паркера о военных конфликтах Имрулкайса с римлянами в период Диоклетиана полностью опровергается данными источника, который был введен в научный оборот уже после выхода в свет книги С.Т. Паркера. В 1997 г. Н.А. Педерсен опубликовал и перевел на английский язык коптский папирус, хранящийся в библиотеке Бетти Честера в Дублине. Этот папирус сообщает о важном эпизоде из истории правления персидского царя Нарсея (293–302 гг.). Документ прославляет арабского царя Амара, который покровительствовал манихеям области Хузистан (северо-западное побережье Персидского залива). Согласно папирусу, Амар направил на имя Нарсея несколько петиций, в которых он просил персидского царя прекратить преследования манихеев: «...the matter came before Ki[ng] Amarō /...and he help us very.../ ...for us, and he became a great patron (πάτρων) for [us... and he obtained favour for us, and King Amarō wrote [let]ters (ἐπιστολή) to King Narses and S[a]pōre[s...] /...for us in this way until the day when [Ki]ng / died and King Hormizd his son received [the] / [cr]own, and he was at enmity with Sapōres» – «дело изложили царю Амару... и он очень помог нам, и он стал великим попечителем для нас... и он оказал нам услугу, и царь Амар написал письма царю Нарсею и Шапуру... для нас в этом деле вплоть до того дня, когда царь умер и его сын, Гормизд, получил венец, и он был во вражде с Шапуром»³. Н.А. Педерсен отождествил царя Амара с арабским царем Амром, который упоминается во многих восточных источниках, прежде всего в «Истории пророков и царей» ат-Табари, а также в знаменитой надписи самого царя Нарсея из

селения Пайкули [19, p. 200]. В таком случае совершенно ясно, что царь Амр был современником Нарсея, ушедшего в мир иной как раз в 302 г.

Следовательно, Амр управлял арабскими племенами в тех же областях, что и Имрулкайс. Более того, ат-Табари в своей «Истории пророков и царей» четко сообщает, что Имрулкайс был сыном Амра (ein Sohn des 'Amr b. 'Adī Namens Amraalqais al Bad⁴), и эти сведения не подвергаются сомнению в научной литературе, включая и новейшие исследования [21, p. 245]. Тогда, с учетом сведений коптского папируса из библиотеки Бетти Честера, логично предположить, что Амр все еще был царем арабов ко времени смерти Нарсея, т.е. в 302 г., и значит, именно он возглавлял племенной союз Лахмидов в эпоху Диоклетиана, когда Нарсей управлял Персией.

Данные коптского папируса не позволяют нам принять и трактовку Э. Винтера и Б. Дигнас, которые предположили, что Имрулкайс перешел на сторону римлян еще в 293 г. По их мнению, с того времени он стал «клиентским вождем», т.е. арабским царем (шейхом), который подчинялся Риму и в обмен на римские денежные субсидии защищал границу провинции Арабия от нападений других арабских племен, которые были союзниками персов. По мнению Э. Винтера и Б. Дигнас, еще в 293 г. Имрулкайс вместе с группами своих соплеменников переселились в Римскую империю, в связи с этим надпись из Намары свидетельствует о захоронении Имрулкайса именно в римских пределах. Более того, Э. Винтер и Б. Дигнас полагают, что царь Лахмидов, который упоминается в надписи царя Нарсея из селения Пайкули, получил власть над Лахмидами уже после бегства Имрулкайса, но этот царь, по мнению Э. Винтера и Б. Дигнас, был вассалом Персии, служил персидскому царю и воевал на его стороне [22, S. 199–200].

Но проблема состоит в том, что надпись из Пайкули четко называет имя царя Лахмидов – это некий Амру (“and Amru King of the Lahmids”)⁵, Н. Педерсен, опубликовавший текст коптского папируса из библиотеки Бетти Честера, идентифицировал этого Амру с царем Амаром, который упоминается в самом папирусе и в арабской историографической традиции (главным образом, в хронике ат-Табари) [19, p. 200]. Соответственно, коптский папирус вновь опровергает версию о наличии у Имрулкайса власти над Лахмидами уже в период Тетрархии, т.е. в 290-х гг. В 293 г. царем Лахмидов был Амр/Амру/Амар (как видим, его имя по-разному передано в исторической традиции), отец Имрулкайса, Амр правил Лахмидами вплоть до 302 г., но он подчи-

нялся персидскому царю, был вассалом империи Сасанидов, а не Рима, Имрулкайс же, повторим, получил власть над Лахмидами только после 302 г., а перешел на сторону римлян намного позже, в 325/326 гг., и нес военную службу в пользу Рима уже в качестве филарха, т.е. союзного арабского царя (шейха).

Возможно, Диоклетиан действительно воевал с арабскими племенами на различных участках ближневосточного лимеса, но лидером этих племен определенно был не Имрулкайс, а его отец Амр, который, как показывает коптский папирус, неизменно придерживался союза с персами. Это значит, что Имрулкайс впервые перешел на сторону римлян именно в период Константина. Судя по всему, подобный переход был результатом излишних внешнеполитических амбиций Имрулкайса, который не согласовывал свои действия с Персией и стремился расширить свои владения за счет собственно персидских земель. Потерпев в итоге тяжелое поражение от персидской армии, Имрулкайс бежал в римские земли, где он получил от императора Константина титул филарха, что давало ему право военного командования над теми племенами, которые бежали вместе с ним.

Соответственно, на наш взгляд, в контекст указанных событий как раз и следует поместить надпись 333 г., упоминающую дукса Востока Флавия Северина. Очевидно, данный пост был учрежден в связи с перемещением большого количества арабских племен в пределы Римской империи в 325/326 гг., эти племена во главе со своим лидером, Имрулкайсом были расселены на территории Арабии в качестве военных гарнизонов, оборонявших вверенный им участок границы, но наряду с арабскими племенными массами в Арабии, равно как и в Сирии, дислоцировались и регулярные подразделения, на вербованные из римских граждан, а именно алы, когорты и вексилляции, т.е. те самые отряды *agrarienses*, которые упоминаются в надписи 334 г. Очевидно, пост дукса Востока был учрежден одновременно с созданием новых пограничных гарнизонов, на вербованных из арабов Имрулкайса. Следовательно, дукс Востока командовал как собственно римскими регулярными подразделениями, так и отрядами союзной арабской конницы, эти отряды, как мы полагаем, в дальнейшем были распределены по разным участкам ближневосточной границы, не только в Арабию, но и в другие провинции (по крайней мере, *Notitia Dignitatum* упоминает подразделения арабской кавалерии практически во всех ближневосточных провинциях империи).

Таким образом, если под общим командованием дукса Востока Флавия Северина находи-

лись как отряды арабской кавалерии, так и римские регулярные гарнизоны, вполне логично, что Флавий Северин контролировал процесс восстановления старых и строительства новых крепостей, в основном эти крепости предназначались все же для римских регулярных подразделений. Об этом отчетливо свидетельствуют еще две латинские надписи, происходящие из римской крепости Каср аль-Азрак в Палестине (на территории современной Иордании), они датируются 326–333 гг. – и, что самое главное, упоминают уже знакомых нам протектора Винцентия и дукса Флавия Северина⁶:

[Providentia ddd(ominorum) n]nn(ostrorum) trium Constantini / maximi trium]fatoris semp(er) Aug(usti) et / [Constantini et Const]anti nobb(ilissimorum) Caess(arum) duorum / [..... c. 18 .....] Amatham olim ne[g]lect{a}m / [..... c. 18 .....] restaurari iussit Fl(avius) Seve/[rinus c. 13 .....]i curante Vincentio / [protectore... Dalma]ti et Zenofili vv(ironum) cc(larissimorum) co(n)s(ulum).

«Предусмотрительностью трех наших повелителей – Константина великого, всегда триумфатора, Августа, и Константина и Констанция, двух благороднейших Цезарей, [ ] Аматы, когда-то заброшенную, [ ] приказал восстановить Флавий Северин [ ] старанием протектора Винцентия, в год консулов Далмата и Зенофила, мужей светлейших».

Надпись датируется 333 г., соответственно, поскольку протектор Винцентий определенно был военным офицером, можно предположить, что и строительный объект, который он восстановил, представлял собой военную крепость. Другая надпись, датированная 326–333 гг., упоминает того же Флавия Северина, который приказал восстановить саму крепость Каср аль-Азрак⁷:

[Salvo] Constantino maxi/[mo victo]re ac triumfatore se/[mp(er) Aug(usto) e]t Constantino et / [Consta]ntio nn(o)bb(ilissimus) Caess(airbus) duobus) / [... in]curia vetustate / [castel?]um ruina conlapsam / [.....]iussit Fl. Severinus.

«При здравствующем Константине великом, победителе и всегда триумфаторе, Августе, и Константине и Констанции, двух благороднейших Цезарях, [ ] крепость, которая из-за небрежности, вследствие старости была обращена в развалины, Флавий Северин приказал (восстановить)».

К. Цукерман предположил, что протектор Винцентий командовал гарнизоном крепости Каср аль-Азрак, гарнизон же представлял собой регулярное вспомогательное подразделение, алу или когорту. Как отметил исследователь, надпись 334 г. (та самая, которая упоминает сторожевой пост у Басии и сарацин, нападавших на воинов) свидетельствует о размещении вблизи

Каср аль-Азрак нового сторожевого поста, который прибыл на смену прежнему гарнизону данной крепости, а Флавий Северин, по мнению К. Цукермана, был дуксом провинции Арабия, ему подчинялись протектор Винцентий и командующие всеми остальными гарнизонами провинции [24, p. 87–88].

Мы же полагаем, что, судя по всему, один из отрядов *agrarienses*, о которых говорит надпись 334 г., как раз и был вспомогательным подразделением, алой или когортой, опять же, совершенно не исключено, что данный отряд мог принадлежать и к рангу вексилляции. Следовательно, можно предположить, что и крепость Каср аль-Азрак восстанавливали воины римских регулярных пограничных гарнизонов, эти воины несли службу на всем протяжении арабского участка границы. В качестве вспомогательной военной силы на ближневосточном лимесе дислоцировались и отряды союзной арабской кавалерии, разместившиеся на территории провинции Арабия вместе с Имрулкайсом в 325/326 гг. Возможно, одна из функций временно учрежденной должности дукса Востока заключалась в том, чтобы координировать совместные действия римских регулярных гарнизонов и арабской конницы, наладить механизм эффективного взаимодействия между двумя видами боевых отрядов.

Судя по всему, общая численность союзной арабской конницы, располагавшейся в Арабии, была весьма значительной, по крайней мере, персидский историк Абу-Али Мухаммед ибн Мухаммед Балами, живший в X в. и составивший перевод хроники арабского историка ат-Табари, говорит о 4000 арабов, разграбивших земли Ирака в ранние годы правления Шапура: «Они вторглись и в другой раз, Шапур был еще ребенком, и они разграбили часть Савада» (современный южный Ирак. – Е.М.)⁸, другими словами, Балами рассказывает о том же эпизоде, что и ал-Масуди. Естественно, что для эффективного контроля над столь значительной войсковой группировкой, прибывшей в пределы империи, была необходима новая экстраординарная должность, совмещающая в себе командование местными римскими регулярными гарнизонами и подразделениями арабской конницы.

Обратимся, наконец, еще к одному важному аспекту позднеимперской военной организации на Ближнем Востоке в 333–337 гг. Как свидетельствуют цитированные выше надписи из крепости Каср аль-Азрак, процессы строительства или реставрации оборонительных сооружений активно разворачивались в ближневосточных провинциях и в эпоху Константина, даже в последние годы его правления. В 2001 г. Б. Дигнас

и Э. Винтер предположили, что военные крепости, построенные на Ближнем Востоке в период Тетрархии, при императоре Диоклетиане (284–305 гг.), т.е. на рубеже III–IV вв., продолжали активно защищать ближневосточную границу и позднее, вплоть до середины IV в., до времени правления Констанция II (337–361 гг.). По мнению исследователей, именно крепости времен Тетрархии составляли основной элемент оборонительной системы римлян на Ближнем Востоке, именно они выдерживали всю тяжесть персидских вторжений и в конечном итоге не дали персам возможности захватить ближневосточные провинции [22, S. 107].

Тем не менее в том же 2001 г. вышла в свет монография М. Конрад, в которой исследовательница показала, что процесс строительства и реставрации крепостей на сирийском участке границы продолжался в течение всего IV в.; Диоклетиан своими мероприятиями всего лишь начал данный процесс; фортификации, возведенные в период Тетрархии, – только начальный этап усиления ближневосточного лимеса, сооружение новых крепостей интенсивно происходило даже в середине IV в., непосредственно во время боевых действий с персами [26, S. 97–99, 104–105, 107, 112].

Как нам кажется, надписи из Каср аль-Азрак, цитированные выше, прекрасно иллюстрируют и подтверждают тезис М. Конрад. Обе надписи датированы последними годами правления Константина и четко сообщают о реставрации старых или возведении новых оборонительных сооружений. Другой вопрос, что процессы строительства разворачивались не с целью подготовки к предстоящей военной кампании против персов⁹, эти процессы следует рассматривать в контексте административных реорганизаций на ближневосточном лимесе, возникших в результате расселения арабских племенных масс под предводительством их вождя Имрулкайса в провинции Арабия. С целью более оперативного и эффективного руководства подобными боевыми отрядами, а также с целью наладить согласованное взаимодействие этих отрядов с регулярными местными римскими гарнизонами *agrarienses* (алами, когортами или вексилляциями) Константин учредил пост дукса Востока и назначил на новую должность Флавия Северина, который и ранее командовал войсковыми подразделениями на ближневосточном фронте. Но необходимо отметить, что создание новой должности все равно не улучшило ситуацию на Ближнем Востоке. Как свидетельствуют данные надписи 334 г., те арабские племена, которые не поддерживали союз с Римом и не жили на римской территории, продолжали нападать на земли Сирии и Арабии, регулярные

же гарнизоны *agrarienses* в силу нерациональной географической разбросанности все равно не могли эффективно противостоять нападению противника.

Примечания

1. Издатель надписи, Ж. Алико, переводит начало надписи, используя франц. *pour* («для»), что предполагает употребление дательного падежа при переводе имен императоров и их титулов (конечно же, при переводе на русский язык и с учетом грамматических правил русского языка мы все равно должны были бы переводить родительным падежом). Тем не менее начальные строки надписи, судя по всему, следует переводить не дательным падежом, – очевидно, в первых строках надписи мы встречаем пример неполного абсолютного аблатива (*Ablativus Absolutus*). Следовательно, возможны несколько вариантов перевода начальной фразы текста – «во время правления», «в правление», «когда императорами были» или просто «при...». Первые три варианта, на наш взгляд, не позволяют дословно передать аблативный оборот, тем более что, к примеру, вариант «когда императорами были» требует вставки слова «императоры» (или «правители»), которого нет в оригинальном латинском тексте. Та же проблема (пусть и в менее заметном виде) возникает при использовании вариантов «во время правления» и «в правление». Поэтому мы выбираем последний вариант: именно он, как нам кажется, позволяет в наиболее полной мере сохранить значение аблативного оборота и не прибегать к вставке лишних слов, которых нет в латинском тексте. Благодарю за ценные рекомендации и наблюдения рецензента моей статьи.

2. Цитируем текст по французскому переводу К. Барбиера де Мейнара: [17, p. 176–177].

3. Цитируем текст по английскому переводу Н.А. Педерсена: [19, p. 196, 198].

4. Цитируем текст по классическому немецкому переводу Т. Нельдеке: [20, S. 46–47].

5. Цитируем текст по английскому переводу, опубликованному в этом же издании: [23, p. 71].

6. Цитируем текст по чтению Д. Кеннеди: [1, p. 60].

7. Цитируем текст по чтению Д. Кеннеди: [1, p. 60].

При переводе начальной части надписи мы руководствовались теми же критериями, которые представлены и в примечании № 1.

8. Цитируем текст по французскому переводу Х. Зотенберга [25, p. 91: “Ils revinrent une autre fois, Schâpour étant encore enfant, et s’emparèrent d’une partie du Sawâd”].

9. Не так давно А. Лютер посвятил персидскому походу Константина отдельную статью, в которой исследователь пришел к выводу, что Константин не ставил перед собой завоевательные цели, он всего лишь стремился обезопасить ближневосточную границу империи ввиду недавних новых персидских атак на Месопотамию, состоявшихся в 335/336 гг. См.: [27, S. 116]. С учетом позиции А. Лютера мы еще раз можем подчеркнуть, что Константин вряд ли планировал использовать ближневосточные гарнизоны в борьбе против персов – во-первых, эти гарнизоны

ны сами по себе были слабыми, они не могли эффективно противостоять даже грабительским рейдам арабов, а во-вторых, ближневосточные провинции, в частности Месопотамия и Сирия, только недавно испытали на себе всю тяжесть очередного персидского вторжения, поэтому Константин, как раз наоборот, намеревался не только оставить пограничные гарнизоны на ближневосточном фронте, но и усилить этот фронт за счет новых боевых отрядов – подразделений союзной арабской конницы, переселившихся в римские пределы вместе с Имрулкайсом еще в 325/326 гг.

Список литературы

1. Kennedy D. The Roman Army in Jordan. London: Council for British Research in the Levant, 2004. 235 p.
2. Berchem D. van. L'armée de Dioclétien et la réforme Constantinienne. Paris: Imprimerie Nationale, 1952. 130 p.
3. Seston W. Du «comitatus» de Dioclétien aux «comitatenses» de Constantin // *Historia*. Bd. 4. Hft. 2/3. 1955. P. 284–296.
4. Colombo M. Alcune questioni ammianee // *Romanobarbarica*. Vol. 16. 1999. P. 23–76.
5. Liebeschuetz J.H.W.G. Arab Tribesmen and Desert Frontiers in Late Antiquity // *Journal of Late Antiquity*. Vol. 8. N. 1. 2015. P. 62–96.
6. Aliquot J. Un duc d'Orient en Arabie // *Syria*. Vol. 93. 2016. P. 157–170.
7. Craig H.C. Contesting Late Roman Illyricum: Invasions and Transformations in the Danubian-Balkan Provinces. PhD Dissertation. University of Princeton, 2007. 278 p.
8. Colombo M. "Constantinus rerum novator: dal comitatus diocleziano ai palatini di Valentiniano I" // *Klio*. Bd. 90. 2008. P. 124–161.
9. Mirković, M. Co-Regency: Constantine and Licinius and the Political Division of the Balkans // *ZRVI*. Vol. 49. 2012. P. 7–18.
10. Грушевой А.Г. Принципы взаимоотношений Рима и ранней Византии с арабийскими кочевниками // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 6. СПб., 2007. С. 337–366.
11. Brüggemann Th. Ἐθνάρχος, Φύλαρχος and Στρατηγὸς νομάδων in Roman Arabia (1st – 3rd Century). Central Power, Local Administration and Nomadic Environment // *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest*. Proceedings of a colloquium held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005). / Ed. by A.S. Lewin and P. Pellegrini. Oxford, 2007. P. 275–284.
12. Dussaud R. Mission dans les régions désertiques de la Syrie Moyenne. Paris: Imprimerie Nationale, 1903. 342 p.
13. Bellamy J.A. A New Reading of the Namārah Inscription // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 105. N. 1. 1985. P. 31–51.
14. Sartre M. Trois études sur l'Arabie romaine et byzantine. Bruxelles: Latomus, 1982. 226 p.
15. Sartre M. L'armée romaine et la défense de la Syrie du Sud. Questions de méthode et nouveau document // *The Late Roman Army in the Near east from Diocletian to the Arab Conquest* / Ed. by A.S. Lewin and P. Pellegrini. Oxford, 2007. P. 263–274.
16. Shahîd I. Byzantium and the Arabs in the Fourth Century. Washington DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. 628 p.
17. Maçoudi. Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard. Vol. II. Paris: A L'imprimerie impériale, 1863. 467 p.
18. Parker S.Th. Romans and Saracens: A History of the Arabian Frontier. Eisenbrauns: American Schools of Oriental Research, 1986. 247 p.
19. Pedersen N.A. A Manichaean Historical Text // *ZPE*. Bd. 119. 1997. P. 193–201.
20. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari / Übers. v. Th. Nöldeke. Leyden: E.J. Brill, 1879. 503 S.
21. Lewin A. Amr Ibn 'Adî Mavia, the Phylarchs and the Late Roman Army. Peace and War in the Near East // *The Late Roman Army in the Near east from Diocletian to the Arab Conquest* / Ed. by A.S. Lewin and P. Pellegrini. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 243–262.
22. Winter E., Dignas B. Rom und das Perserreich. Zwei Weltmächte zwischen Konfrontation und Koexistenz. Berlin: Akademie Verlag, 2001. 334 S.
23. Humbach H., Skjaervø Prods O. The Sassanian Inscription of Paikuli. Part 3.1. Restored text and translation by Prods O. Skjaervo. Wiesbaden: Dr Ludwig Reichert Verlag, 1983. 152 p.
24. Zuckerman C. Aur. Valerianus (293/305) et Fl. Severinus (333), commandants en Arabie, et la forteresse d'Azraq // *Antiquité Tardive*. Vol. 2. 1994. P. 83–88.
25. Chronique de Abou-Djafar-Mo'ammed-ben-Djarîr-ben-Yezid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-'Ali Mo'ammed Bel'ami par H. Zotenberg. T. II. Paris: Imprimerie impériale, 1869. 552 p.
26. Konrad M. Resafa V. Der spätrömische limes in Syrien. Archäologische untersuchungen an den Grenzkastellen von Sura, Tetrapyrgium, Chelle und in Resafa. Mainz: Philipp von Zabern, 2001. 158 S.
27. Luther A. Konstantins letzte Pläne. Die «unvollendete Persienexpedition» // *Konstantin der Grosse: zwischen Sol und Christus* / K. Ehling, G. Weber. (Hrsg.) Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2011. S. 211–217.

**THE MILITARY DETACHMENTS OF *AGRARIENSES*
AND THE NEAR EAST FRONTIER OF LATE ROMAN EMPIRE
IN 333–337 A.D.: EPIGRAPHIC EVIDENCE**

E.A. Mekhamadiev

The paper deals with some features of Late Roman military organization in the Near East in 333–337, the last years of Constantine the Great's rule. The author turned to epigraphic evidence (Latin building inscriptions) and compared them with the data of narrative sources (Ammianus Marcellinus, Arabic historiographical tradition, which relates about interrelations of Rome and Arabian tribes at the beginning of the 4th century, and also one little-studied Coptic papyrus). The evidence of such sources demonstrates that Near East provinces during that period were protected by military units which were called *agrarienses*, i.e. «guard outposts»; these units were *alae*, cohorts and vexillations (mobile cavalry detachments). The territorial deployment of *agrarienses* units depended clearly on the location of reservoirs and water storages, as their main task was to protect such water storages. Nevertheless, in 325/326 the Near East garrisons were reinforced by new detachments, the units of Arabian tribal cavalry, which were under command of their own chief Imrulkais. These tribal units migrated in the province of Arabia by the decision of Constantine the Great and received from him the status of federates, while Imrulkais himself became the phylarchos, a military ally of Rome. Then Constantine I established a temporary and extraordinary office of *dux Orientis* to ensure coordinated command of both local regular frontier garrisons and Imrulkais' units. The office of *dux Orientis* is mentioned in a newly-found inscription that was published in 2016.

Keywords: Constantine the Great, Near East, detachments of *agrarienses*, *dux*, Arabia, Arabs, phylarchos, Imrulkais.

References

1. Kennedy D. The Roman Army in Jordan. London: Council for British Research in the Levant, 2004. 235 p.
2. Berchem D. van. L'armée de Dioclétien et la réforme Constantinienne. Paris: Imprimerie Nationale, 1952. 130 p.
3. Seston W. Du «comitatus» de Dioclétien aux «comitatenses» de Constantin // *Historia*. Bd. 4. Hft. 2/3. 1955. P. 284–296.
4. Colombo M. Alcune questioni ammianee // *Romanobarbarica*. Vol. 16. 1999. P. 23–76.
5. Liebeschuetz J.H.W.G. Arab Tribesmen and Desert Frontiers in Late Antiquity // *Journal of Late Antiquity*. Vol. 8. N. 1. 2015. P. 62–96.
6. Aliquot J. Un duc d'Orient en Arabie // *Syria*. Vol. 93. 2016. P. 157–170.
7. Craig H.C. Contesting Late Roman Illyricum: Invasions and Transformations in the Danubian-Balkan Provinces. PhD Dissertation. University of Princeton, 2007. 278 p.
8. Colombo M. «Constantinus rerum novator: dal comitatus diocleziano ai palatini di Valentiniano I» // *Klio*. Bd. 90. 2008. P. 124–161.
9. Mirković, M. Co-Regency: Constantine and Licinius and the Political Division of the Balkans // *ZRVI*. Vol. 49. 2012. P. 7–18.
10. Grushevoj A.G. Principy vzaimootnoshenij Rima i rannej Vizantii s aravijskimi kochevnikami // *Mnemon*. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. / Pod red. prof. Eh.D. Frolova. Vyp. 6. SPb., 2007. S. 337–366.
11. Brüggemann Th. Ἐθνάρχος, Φύλαρχος and Στρατηγὸς νομάδων in Roman Arabia (1st – 3rd Century). Central Power, Local Administration and Nomadic Environment // *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest*. Proceedings of a colloquium held at Potenza, Acerenza and Matera, Italy (May 2005). / Ed. by A.S. Lewin and P. Pellegrini. Oxford, 2007. P. 275–284.
12. Dussaud R. Mission dans les régions désertiques de la Syrie Moyenne. Paris: Imprimerie Nationale, 1903. 342 p.
13. Bellamy J.A. A New Reading of the Namārah Inscription // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 105. N. 1. 1985. P. 31–51.
14. Sartre M. Trois études sur l'Arabie romaine et byzantine. Bruxelles: Latomus, 1982. 226 p.
15. Sartre M. L'armée romaine et la défense de la Syrie du Sud. Questions de méthode et nouveau document // *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest* / Ed. by A.S. Lewin and P. Pellegrini. Oxford, 2007. P. 263–274.
16. Shahîd I. Byzantium and the Arabs in the Fourth Century. Washington DC: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1984. 628 p.
17. Maçoudi. Les prairies d'or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard. Vol. II. Paris: A L'imprimerie impériale, 1863. 467 p.
18. Parker S.Th. Romans and Saracens: A History of the Arabian Frontier. Eisenbrauns: American Schools of Oriental Research, 1986. 247 p.
19. Pedersen N.A. A Manichaean Historical Text // *ZPE*. Bd. 119. 1997. P. 193–201.
20. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari / Übers. v. Th. Nöldeke. Leyden: E.J. Brill, 1879. 503 S.
21. Lewin A. Amr Ibn Adī Mavia, the Phylarchs and the Late Roman Army. Peace and War in the Near East // *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest* / Ed. by A.S. Lewin and P. Pellegrini. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 243–262.
22. Winter E., Dignas B. Rom und das Perserreich. Zwei Weltmächte zwischen Konfrontation und Koexistenz. Berlin: Akademie Verlag, 2001. 334 S.
23. Humbach H., Skjaervø Prods O. The Sassanian Inscription of Paikuli. Part 3.1. Restored text and translation by Prods O. Skjaervo. Wiesbaden: Dr Ludwig Reichert Verlag, 1983. 152 p.
24. Zuckerman C. Aur. Valerianus (293/305) et Fl. Severinus (333), commandants en Arabie, et la forteresse d'Azraq // *Antiquité Tardive*. Vol. 2. 1994. P. 83–88.
25. Chronique de Abou-Djafar-Mo'ammed-ben-Djarîr-ben-Yezid Tabari, traduite sur la version persane

d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami par H. Zotenberg. T. II. Paris: Imprimerie impériale, 1869. 552 p.

26. Konrad M. Resafa V. Der spätrömische limes in Syrien. Archäologische untersuchungen an den Grenzkastellen von Sura, Tetrapyrgium, Chelle und in Resafa.

Mainz: Philipp von Zabern, 2001. 158 S.

27. Luther A. Konstantins letzte Pläne. Die «unvollendete Persienexpedition» // Konstantin der Grosse: zwischen Sol und Christus / K. Ehling, G. Weber. (Hrsg.) Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2011. S. 211–217.